
НЕОКОНЧЕННЫЕ СПЮРЫ

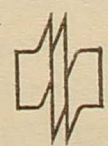
Литературная
полемика

8PC(092)
H-52

+0p82

НЕОКОНЧЕННЫЕ СТОРОНЫ

2-204-148

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1990

Оренбургская областная научная
библиотека им. И. К. Крупской

ВИКТОР АСТАФЬЕВ: «ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ»

ХУДОЖНИК ИЛИ ПУБЛИЦИСТ — КТО ПРАВ?

В обсуждении приняли участие критики: Игорь Золотусский, Юрий Карякин, Вадим Кожин, Анатолий Ланциков, Ирина Роднянская, Вадим Соколов, Екатерина Старикова, Алла Латынина. Ведущий — Е. А. Кривицкий.

Е. Кривицкий. Почему это обсуждение мы хотим назвать «некруглым столом» и почему речь пойдет именно о «Печальном детективе»?

Время требует возрастающего участия писателей в решении насущных проблем действительности, что, конечно же, невозможно без повышения роли критики в литературном процессе. А это непременно сопряжено с отказом от благодушного, констатационного тона, не говоря уж о комплиментарности, как наивной, так и тем более корыстной. Прочное общественное мнение вырабатывается не вдруг, не столько в монологической форме, но прежде всего дискуссионной, полемической, в столкновении разных точек зрения, в открытой и прямой взаимопроверке суждений.

«Стол» такого характера скорее остроугольный, чем круглый, ставший слишком привычным и повсеместным.

А почему «Печальный детектив»?

Роман Виктора Астафьева представляется принципиальным явлением литературы наших дней, если понимать наши дни как пору трезвого анализа и беспристрастной самооценки. Суровая и горькая книга, вызвавшая — так и следовало ожидать — далеко не однозначное отношение критики и читателей.

А. Латынина. Мы обращаемся к «Печальному детек-

тиву» после того, как многие периодические издания уже выступили с рецензиями на него, после того как и «Литературная газета» откликнулась на роман статьей Алеся Адамовича. За время, прошедшее с момента появления романа Астафьева, он не только не отодвинулся в тень, но, напротив, как бы возрос в общественном сознании. Одно из свидетельств — обильная почта, не иссякающая до сих пор, отклики на роман и на статьи о нем, поступающие в «ЛГ».

Я проанализировала эту почту, с тем чтобы предложить собравшимся ответить на некоторые вопросы, рожденные письмами читателей. Многие из них, кстати, заканчиваются просьбой обсудить роман.

Есть письма, горячо приветствующие появление «Печального детектива», его правдивость, его остроту. Их авторы понимают, что произведение, в центре которого стоит человек, по своей милицейской должности призванный бороться с преступниками, естественно, насыщено всякого рода негативными фактами. И это вовсе не означает, что писатель не видит в нашей жизни ничего доброго.

Но сейчас я хочу обратить внимание не на эти письма, а на письма тех, кто роман не принял. Мотивы? Прежде всего отталкивание вызывает сам жизненный материал, положенный в основу романа. То, что критика назвала «уровнем правды», читателю часто представляется «искажением правды», сгущением красок, «кривым зеркалом» и т. п. «В романе вся жизнь — грязь, все люди — подонки, все намалевано черными красками». «Где выискал писатель этот Вейск, населенный преступниками, насильниками и негодями? Откуда взялось это дно?»

Распространен и такой мотив: в жизни всякое можно встретить, но стоит ли изображать жизнь с изнанки?

По ходу нашего разговора я буду еще цитировать письма — они разложены у меня здесь по темам, очень большая группа посвящена языку писателя, но сейчас сформулирую основное впечатление от почты. Писатель, который, как мне кажется, стремится выразить народную точку зрения на жизнь, разошелся со значительной частью своих читателей. Быть может, мы попробуем сначала осмыслить феномен этой почты?

А. Ланщиков. Это очень серьезный вопрос. Мы все вроде бы жаждем правды, жаждем суровой критики, но приуготовлены ли мы трезво внимать той критике, кото-

рая направляется и в наш собственный адрес? Приготовлены ли мы во имя истины и общей пользы жертвовать своими амбициозными чувствами?

Ю. Карякин. Астафьев выворотил и выложил перед нами такие кровоточащие куски, выложил с такой беспощадностью и болью, что первая и невольная реакция — отвернуться, забыть, не знать. Нельзя! Шок — нужен. Без него — не проснуться. Представьте себе Сошнина в 1920 году. Он (да разве только он?) абсолютно уверен, что «пережитки прошлого» будут выкорчеваны, «родимые пятна» выведены без остатка через каких-нибудь 10—20 лет. Прочитай он тогда «Печальный детектив» или «Пожар» Распутина издания 1980-х годов — ни за что бы не поверил! А если б показать тогдашним педологам «Чучело»?.. Все обернулось не так просто, легко и скоро, как хотелось и казалось. За непонимание этой истины мы слишком дорого заплатили и платим до сих пор.

И. Золотусский. Я тоже получил письмо от одного своего читателя, который пришел в полное остоление оттого, что я высказался в «Новом мире» в пользу «Печального детектива». Идея этого письма состоит в том, что Астафьев написал антиинтеллигентский, антиинтеллектуальный роман. Во всем горьком, что у нас произошло, пишет читатель, Астафьев винит интеллигенцию. А где верхи города Вейска? — спрашивает он. Вместо того чтоб сосредоточить гнев на них, Астафьев, мол, бросает свою ярость на интеллектуалов, рисуя их в карикатурном, отталкивающем виде.

Не первый случай на Руси — писатель кричит от боли, а ему говорят: нас облили помоями.

А. Ланщиков. Русская интеллигенция была всегда привлекательна тем, что искала собственную вину. А если в «Печальном детективе» ей слышится упрек, то упрек — это еще не есть хула. Если не отождествлять интеллигенцию и интеллектуалов, то усмотреть в романе какое-то антиинтеллигентское направление можно только при желании как можно дальше отойти от истины.

А. Латынина. Вы хотите сказать, что антиинтеллектуальное направление все же имеется?

А. Ланщиков. Я бы поставил слово «интеллектуал» в кавычки.

А. Латынина. Очевидно, таким тонкостям, как кавычки, многие не придают значения. Я хочу сказать, что корреспондент Игоря Золотусского вовсе не одинок.

В карикатурном портрете Сыроквасовой с ее тремя «вундеркиндами» от «разных творческих производителей», в сатирическом изображении мадам Пестеревой, приспособившей добрейшую Пашу в домработницы, во многих сентенциях Сошнина некоторые читатели усмотрели антиинтеллигентский и антиинтеллектуальный пафос романа.

И. Золотусский. Астафьев со злостью изобразил не интеллигентов и не интеллектуалов, а тех «избранных», которые, как он пишет, сами зачислили себя в избранные. Интеллигент у него как раз Сошнин. Жена и называет его все время «интеллигентом». Называет иронически, но мысль Астафьева ясна: интеллигент — именно Сошнин. И не потому, что читает книжки, а потому, что у него есть идея и идеал.

Роман Астафьева (хотя это, конечно, никакой не роман) — роман вопросов. Как жить? — спрашивает его герой. Как дальше жить? Как жить среди народа? Сначала «как жить?», затем «как дальше жить?» и, наконец, «как жить среди народа?». Три разных вопроса и три разные постановки темы. Как жить среди народа? — это вопрос интеллигенции.

Сошнин у Астафьева — «интеллигент», а тетя Грания — «стрелочница». Она действительно переводит стрелки на железной дороге. Роман Астафьева — об «интеллигентах» и «стрелочниках».

Если же следовать логике писем, высчитывающих, кто как изображен, то получится, что «Печальный детектив» не столько антиинтеллигентский, сколько антинародный роман. Потому что народу, если иметь в виду тех, кто не окончил ни вуза, ни техникума, в нем досталось больше всего.

Е. Старикова. А можно вопрос? Вы говорили, что много писем о языке романа. Каких?

А. Латынина. Возмущенных. Читатель привык к языку литературному, свобода обращения Астафьева со словом кажется ему беззаконием, вот он и выписывает: «падла», «картошки от пуза», «встренул», «шабур» — и негодует.

Е. Старикова. У меня к языку «Печального детектива» тоже сложное отношение. Конечно, Астафьев не был бы Астафьевым, если бы он обращался со стихией родного языка робко и аккуратно. И он действительно обращается с ней свободно, с вольной удалью. Но владеет ли он ею или сам в ее власти?

Как филолог, я могу понять любопытствующий интерес и страсть писателя к коллекционированию «зарешеточной словесной продукции», иными словами, блатного жаргона. Но во всем должны быть мера и вкус. А когда речь идет о сюжете, да еще отчасти и «детективном», тут на первый план выступает не «орнамент», а смысл: хочется в первую очередь понять, что же происходит. А происходит вот что: «Практическое внимание на Лерку обратили «химики», приняв ее за халяву». Это про ту самую Лерку, которая имела обыкновение «ходить на тырлах». Всем понятно? Мне, честно говоря, не очень. Однако это еще можно отнести просто к избытку орнаментальной живописи. Но зачем так уж старательно «размывать дамбу» между законами русской грамматики, достаточно изощренными и трудно дающимися при овладении грамотой, и беззаконной вольностью, пренебрегающей всеми «дамбами»? Почему автору — не герою, а автору — надо писать «вынают», а не вынимают? И не раз. Здесь уже не смущенный, «ненавидящий» себя за это герой, а сам писатель зачем-то «работает» то ли под Тарапуньку и Штепселя, то ли под деда Щукаря. Признаюсь: я не понимаю художественного стимула для такого изыска.

И. Роднянская. А меня язык романа не смущает. По-моему, почти каждый из прозвучавших здесь примеров имеет художественное оправдание. Либо как стилистическая окраска, либо как реалия. Увы, что такое «химики» — известно широким народным массам. Скорее меня огорчает какой-то непослушный, негибкий язык философических мест романа.

А. Ланщиков. Не слишком ли мы залитературируем разговор? Роман Астафьева написан болью, жизнью, а не литературой. Наверное, мы все-таки собрались не для того, чтобы порассуждать о его стилистических особенностях...

Е. Кривицкий. Почему же? И для этого тоже. Но все-таки хочу побудить собравшихся вернуться к вопросу, звучавшему вначале, но не получившему пока объяснения. В чем своеобразие этой вещи Астафьева, ее новизна?

Уже говорилось, и сегодня мы здесь это повторяли: уровень правды. Но в чем эта правда? Что, мы не знали о преступниках и преступлениях, о немотивированных убийствах и агрессивных шалопаях, затевающих драки? Да в нашей газете, если собрать материалы за несколько

лет, наберется немало фактов, подобных астафьевским.

Второе. Эти печальные явления нынешнего века — разве они порождены днем сегодняшним? Разве во времена Достоевского не было немотивированных убийств и жестоких преступлений?

Дело, стало быть, не в том, что Астафьев открывает глаза на новые факты. Тогда в чем? В их концентрации? Или в их осмыслении? Да, жизнь сложна, в ней немало мерзостей, и что же, каков из этого вывод?

Каков художественный итог романа Астафьева? Убеждает ли? Не в ущерб ли художественности астафьевская публицистичность?

А. Ланчиков. Нет, не в ущерб. Золотусский убежден, что «Печальный детектив» все же не роман. Никак не могу с этим согласиться. Романное мышление автора — вот что делает «Печальный детектив» настоящим романом. Что же касается художественного итога, то, вероятно, не случайно в финальном публицистическом отступлении автором выделены (написаны с прописной буквы) два слова: «Земля» и «Семья».

Мы хорошо знаем, какая разрушительная энергия выделяется при расщеплении атома. Не такого ли рода энергия выделяется при «расщеплении» семьи в условиях современной цивилизации?

Возьмите всех персонажей, предстающих перед нами в милицейской хронике. Это пыль человеческая, ничем и ни с кем не связанная. А элементарные духовные связи начинаются у человека в семье.

Вспомним последний эпизод, когда жена вернулась к Сошнину и даются размышления о загадке семьи («Династии, общества, империи обращались в прах, если в них начинала рушиться семья...»).

Все человеческие связи начинаются именно здесь.

А. Латынина. А вы считаете, что смысл романа так вот в финале и воплощен? Я не имею в виду идею: «надо укреплять семью», — которую, конечно, извлечь просто, благо автор сам на нее напирает. Но художественная мысль — не глубже ли все-таки этой сентенции?

А. Ланчиков. То же самое, простите, говорили о «Войне и мире». Дескать, эпилог роман не украшает. А между тем там выделены две мысли Толстого, и одна из них — мысль о семье.

А. Латынина. Что ж, и Толстой-моралист далеко не всегда равен художнику.

В. Кожин. Я не разделяю мнения, что «Печальный детектив» Виктора Астафьева — некий новый этап в его творчестве. На мой взгляд, проза Астафьева задолго до сегодняшних социально-идеологических сдвигов предчувствовала и, можно без всякого преувеличения сказать, подготовляла эти сдвиги. Уже в «Царь-рыбе» выражено наиболее существенное из того, что есть в «Печальном детективе», и выражено богаче и полнокровнее.

Другое дело, что «Печальный детектив» обладает большей публицистической заостренностью, имеющей свое особенное значение. Здесь собраны как бы под увеличительным стеклом резкие, подчас чудовищные проявления распада и деградации.

Деяния, которые разрушают или уничтожают жизнь вокруг преступника, в «Печальном детективе» чаще всего сочетаются с прямым, иногда даже сознательным саморазрушением и самоуничтожением. Как определяет этот тип преступника Астафьев: «самый жуткий, сам себя пожирающий зверь».

Нетрудно заметить, что все жуткие персонажи «Печального детектива» — люди сравнительно молодые, мало кому перевалило за тридцать. Им явно противостоят персонажи, принадлежащие к старшим поколениям: писатель, по-видимому, преднамеренно показывает, что даже их, старших, преступность совершенно иная, и особо подчеркивает, что они остро стыдятся своих преступлений. Между тем для «самых себя пожирающих» персонажей преступность предстает, напротив, как форма оголтелого самоутверждения, пусть даже на пути самоуничтожения.

Одну из наиболее существенных причин широкого распространения этой психологии Виктор Астафьев видит в том, что он называет «культурно-массовым разгулом». Некоторые персонажи «Печального детектива» даже имеют своих прямых двойников, или, точнее, «прототипов» на эстраде, — как набрасывающийся на Сошнина парень, «с ног до головы излаженный под боготворимого среди недоумков солиста».

И в самом деле: многие «маскультные» явления, предстающие перед миллионами зрителей и слушателей в телевизионных передачах, кинофильмах, магнитофонных записях и т. п., несут в себе и карикатурно-«нищепанскую» (Астафьев вполне уместно напоминает о нищепанстве) закваску, и тот психический настрой «самоуничтожения», о котором уже шла речь. Те или иные

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
ТОЧКА ОТСЧЕТА	
<i>В. Курбаков — Е. Шкловский. Завтра начинается</i> <i>вчера</i>	10
НАД ВОЗВРАЩЕННЫМИ СТРАНИЦАМИ	
Андрей ПЛАТОНОВ	
<i>Е. Евтушенко. «Психоз пролетариату не нужен» . .</i>	27
<i>Л. Коробков. Андрей Платонов — Иосиф Ста-</i> <i>лин: <...></i>	52
<i>В. Верин. Контекст или версия?</i>	67
Владимир НАБОКОВ	
<i>Владимир Набоков: меж двух берегов. («Круглый</i> <i>стол» «Литературной газеты»)</i>	74
Борис ПАСТЕРНАК	
<i>Д. Урнов. «Безумное превышение своих сил» . . .</i>	90
<i>А. Вознесенский. Свеча и метель</i>	97
<i>В. Гусев. Дума об идеале</i>	102
НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ МНЕНИЙ	
Виктор АСТАФЬЕВ	
<i>Художник или публицист — кто прав? («Круглый</i> <i>стол» «Литературной газеты»)</i>	107
Чингиз АЙТМАТОВ	
<i>Г. Гачев. «Совесть! Стань смелостью!»</i>	122
<i>В. Бушин. «Под белым парусом возвышенного духа...»</i>	128
Даниил ГРАНИН	
<i>Е. Сидоров. Повесть о редкостном человеке</i>	140
<i>В. Бондаренко. Чувство родины</i>	145

Анатолий РЫБАКОВ

А. Бочаров. Противостояние	161
А. Ланциков. Мы все глядим в Наполеоны... . . .	174

Василий ГРОССМАН

Л. Аннинский. Мирозданье Василия Гроссмана . . .	193
А. Казинцев. История — объединяющая или разоб- щающая	215

РАЗГОВОР НЕ ОКОНЧЕН: ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКИ

Ю. Буртин. «И нам уроки мужества даны...» . . .	236
В. Лакишин. Не впасть в беспамятство	248
В. Кожин. «Самая большая опасность...»	266

ИДУЩИЕ ВОСЛЕД: «ТА» И ДРУГАЯ ПРОЗА

С. Чупринин. Другая проза	304
А. Неверов. Неподнятая целина	315
В. Потапов. На выходе из «андерграунда»	326

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Т. Глушкова. Куда ведет «Ариаднина нить»? . . .	342
И. Роднянская. К идеологии «народных расправ» . .	363
А. Латынина. Колокольный звон — не молитва . .	375
С. Аверинцев. Старый спор и новые спорщики . .	401
Дополнительная литература	407

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48